

Андрей Совинин

КНИГА ПСИОНИКА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С56

Иллюстрации и дизайн переплета ООО «Мэйл.Ру»

Совинин, Андрей.

С56 Эволюция: Битва за Утопию. Книга псионика / Андрей Совинин. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. : ил.

ISBN 978-5-04-093493-5

Действие книги разворачивается в мире игры «Эволюция: Битва за Утопию», недавно получившей долгожданное продолжение.

Утопия была планетой-курортом. Но только не для псионика Макса, подопытного кролика в лаборатории, скрытой в джунглях. Глобальный катаклизм все изменил. Стены темницы рухнули, леса превратились в пустыню, курорт стал адом. Помогут ли Максусу пси-способности выжить среди мародеров, мутантов и солдат «Черного легиона»?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Совинин А., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-093493-5

I. В ТЕНИ ПОВЕШЕННОГО

Солнце уже почти зашло за барханы, и тень от висящего тела подползла к самой решетке. «Повешенный». Эту карту из древней колоды Таро я вспоминал каждый раз, когда смотрел сквозь прутья. На ней висельник обычно галантно, словно в танце, поджимал ножку и сохранял невозмутимое выражение лица. Мертвец, болтавшийся на крюке, выглядел совсем не так изящно. Просто мешок с костями, обдуваемый горячим ветром. Карта, кстати говоря, так себе. Означает плен, трудную ситуацию, жертву и воздаяние. При благоприятном исходе — поворот в судьбе. Насчет плена — в точку. Во всяком случае, для меня. Для покойника же плен закончился. Если верить в бессмертную душу, то она уже отправилась в лучший мир, а усохшее на солнцепеке тело скоро снимут и оттащат, как ненужный хлам, на волю — подальше в пески. Чтобы освободить место на крюке для следующего. Может быть, для меня.

Если кое-кто, конечно, не раскошелится на выкуп. Или сначала не подвешат одного из моих соседей. Я покосился на товарищей по несчастью.

Торговец сидел в углу с непробиваемым видом и перебирал четки, то ли молясь своим богам, то ли подсчитывая убытки, которые терпит из-за вынужденного простоя. Здоровяк Амир вцепился в решетку на другом конце клетки, там, откуда не было видно висельников, и нервно поигрывал мышцами широкой спины. Арлекинка в соседней камере нахохлилась на корточках, как больная птица, и не шевелилась.

Любого из нас могли вздернуть со дня на день. Торговец Джоз тянул время, уверяя, что за него вот-вот заплатят какие-то партнеры, но в их существование никто уже не верил. Да и кто бы стал разоряться, выкупая конкурента? Обычные продавцы оружия и консервов друг друга не выручали. Помогали своим собратям только в Гильдии странствующих торговцев. Хотя тут все было не так уж гладко — один из них тоже давно дождался своей участи где-то на другом конце лагеря. Тогда я еще ничего не знал об этом союзе и даже близко не представлял, что их связывает на самом деле, но о взаимовыручке был наслышан. Однако наш тихий и бесцветный Джоз не носил маску и характерный плащ, которые стали униформой гильдии, и на помощь рассчитывать явно не имел оснований.

Вспыльчивый Амир мог, конечно, приглянуться людям Амбала. Они иногда заезжали сюда, присматривая живой товар, — вдруг в лапы Похитителей попал какой-нибудь опытный солдат или полезный спец, которого можно было бы пристроить к делу — производству оружия или дури.

Здоровяк, судя по всему, боец действительно неплохой. Только вот с головой у него было не очень. Перекачанный психопат, который умудрился рассориться с собственной бандой и положить ее в песках. В результате он и сам там едва не подох, а потом очутился в этой гостинице, откуда половина выходит вперед ногами. Стоило ли на такого тратиться? К Амбалу и так отовсюду стекаются добровольцы в надежде на защиту и верный кусок синтетического стейка. Так что, возможно, именно стокилограммовая туша Амира скоро проверит ближайший крюк на прочность.

Арлекинку должны были выкупить ее безумные подружки. Но позавчера они попытались вломиться сюда силой и получили отпор. Мы слышали только стрельбу и их знаменитый боевой визг где-то на краю лагеря, но до нас быстро дошли слухи, что они оставили тут пару трупов своих подруг и отползли в пустыню зализывать раны. После этого наша соседка совсем сникла, не скалила больше зубы и не задирала нас из своей клетки. Сейчас она выглядела просто потрепанной девицей в эксцентричном наряде, похожей на танцовщицу, отставшую от шоу. Даже трудно представить, что ее любимым развлечением было с хохотом вспарывать животы и резать глотки. Во всяком случае, большинство арлекинок это обожало. Обычно их и в плен-то не берут, толку от них нет — одни проблемы. Так что здесь она уже и так чересчур загостилась.

Другими словами, дела у нас всех были не очень. У меня даже получше, чем у остальных. Да, особых

мышц у меня нету, зато я не просто еще один кусок мяса, умудрившийся выжить на этой планете. У меня есть дар. Способность, благодаря которой я до сих пор не стал горкой костей, выбеленных солнцем. И этот дар помогает уцелеть другим. Со мной вы не сдохнете в пустыне. Вернее, сдохнете не так быстро. Только я проведу вас маршрутами, где почти не встретишь пауков, бомберов, ползунов и прочей дряни. Этот дар у меня не отобрать, как банку консервов, даже не вырвать, как золотой зуб или электронный имплант. И силой меня работать на себя не заставишь — я много играл в карты, я умею блефовать. Давить не надо. Договоримся — останетесь в живых. Попробуете запугать — сгинем вместе. Плевать, мне терять нечего. Сам пропаду, но и вас скормлю кому-нибудь, благо тут полно тварей, охочих до человечинки.

Когда я так говорю, мне верят. Хотя я вру, конечно: мне тоже страшно, и помирать я не спешу. Тем более в паучьих жвалах. Но я уже сказал — блефовать умею. Да и цену себе знаю. Где вы найдете такого полезного гида по этим проклятым местам? Умно было бы просто загнать мне в голову кусок свинца и повесить на солнышке другим в назидание? Сомневаюсь. Может быть, я мыслю слишком здраво для местного жителя, но думаю, что это было бы преступным расточительством. Правда, у Похитителей людей свои расклады — им нужно было поддерживать репутацию. Есть выкуп — живи. Нет выкупа — знакомься с крючком, он заждался. Иначе кто поверит их угрозам в следующий раз...

Амир начал угрожающе раскачиваться. Мокрая спина пошла буграми, шея покраснела. Он стал зло шипеть по-змеиному, все громче и громче.

— Э, что опять делаешь? Кончай так делать! — Щуплый узкоглазый охранник поднялся с корточек и угрожающе ткнул в сторону клетки стволом дробовика. — Лезь назад, сиди тих-ха!

Амир захрипел и начал трясти решетку, как взбесившаяся горилла. Все это мы видели уже не раз. Я просто отпустил прутья и спокойно отошел подальше. Охранник тоже не показал удивления. Он привычно отложил дробовик и вытащил из-за пояса тяжелый армейский шокер. Коротко звякнули ключи от наших клеток, привязанные к ремню. Лениво подняв ствол чуть выше головы Амира, узкоглазый с полутора метров дал разряд по клетке. Тело здоровяка тряхнула судорога, он выгнулся, заскрипел зубами и рухнул на пол. Торговец в своем углу только покачал головой и зацокал.

Что случится дальше, секретом не было: Амир отлежится немного, потихоньку придет в себя, снова начнет недовольно бурчать, потом тяжело ходить из угла в угол, играть желваками, распалиться и в конце концов опять кинется на прутья. Но пока — тишина и покой. Охранник сощурился еще больше и сел на пустую железную бочку. Рутинна, еще один бесконечный день. Солнце сползало все ниже, мы сидели в своей клетке, бедолаги, не дождавшиеся выкупа, болтались на крюках, а наш сторож дремал и, наверное, видел в мечтах горы риса и толстых наложниц.

Амир застонал и очнулся. Он перевернулся на четвереньки, брезгливо поморщился, увидев, что тень висельника коснулась его руки, отполз вглубь камеры. Делать нечего — пора было укладываться на рваные подстилки. Ждать, когда ночная прохлада наконец сменит тяжелую духоту, даря недолгое забытье...

#

Проснулся я резко, словно кто-то вытолкнул меня из грез. Мне снилась Утопия до катастрофы — зеленая, безопасная, безмятежная. В другой раз я бы постарался подольше удержаться в рассеивающейся дымке сна. Лишь бы не возвращаться в реальность, съжившуюся до тесной воюющей клетки, где оглушительно храпел Амир. Но сейчас было не до того: внутреннее зрение опять обострилось — значит, я бессознательно уловил какую-то угрозу.

Лагерь был погружен во тьму, светилась только бочка, в которой развели огонь охранники, покачивающиеся в отблесках, как голодные духи пустыни. Но мне свет был не нужен — он только мешал. Я закрыл глаза и увидел привычную россыпь из сотен точек, разбросанных по окружающим пескам. Красные сейчас по большей части были неподвижны, фиолетовые непрерывно сновали в поисках добычи, ночь им была не помеха. К счастью, от них беды пока можно было не ждать — большие группы сюда не направлялись, с одиночками, если что, разберется охрана.

Это и есть дар, которым я торговал на Утопии. Видеть с закрытыми глазами сквозь любые преграды. Хоть сквозь бетонные стены, хоть сквозь песчаные дюны. Спросите меня, кто прячется за тем барханом на горизонте, и я скажу — двуногий или многоногий. Правда, только вдали — у меня что-то вроде дальновзоркости. Например, лагерь, в котором нас держали, был для меня слепым пятном. Зато я мог разглядеть созвездия точек на много миль вокруг, пока одиночные не становились совсем неразличимы, а группы не сливались в тусклые пятна. Каждая из точек была живым существом: красная — человеком, фиолетовая — одной из тварей, неожиданно заполонивших Утопию после катастрофы. Тогда я уже знал это точно. Но я видел и вещи, о которых не имел ни малейшего представления.

Фиолетовые точки, например, тянули за собой размытые следы, светящиеся нити, которые уходили под землю, темнели и слипались там в ком непроницаемой клубящейся тьмы. Далеко, за Цитаделью, куда так мечтали попасть пустынные бродяги, среди песков рос гигантский кристалл из пульсирующих пунктиров, расширяющийся во все стороны и порождающий все новые ломаные грани. Это были загадки, на которые я тогда не находил ответов, да и всерьез задумываться начал только в долгие часы, проведенные в четырех стенах из стальных прутьев.

Но сейчас меня волновало другое. Среди красных точек я видел две, резко отличающиеся от прочих. Они были намного крупнее, ярче, и цвет их был не тускло-багровым, как у остальных.

Почти оранжевая, оплывающая желтым сиянием, двигалась с запада. Другая, алая, кажется, раскаленная от незатухающей ненависти, замерла на востоке. Две звезды, непохожие на соседей по небосводу, две королевы пчел среди роя неотличимых близнецов...

Такими особыми пчелами были те, кого отобрали для экспериментальной программы корпорации «Кронос». Я был в той группе, которую доставили на Утопию, когда эта планета еще была курортом. Тихий лагерь среди пышных зарослей. «Что-то техническое», как думал любой из местных жителей, пролетая над ним на блестящем глайдере. Несколько корпусов, обнесенных забором, пара скучающих охранников, вежливый персонал. И мы — подопытные морские свинки, отловленные в разных уголках Земли. Каждого из нас я бы за десяток миль заметил среди сотни прочих красноватых точек. Мы отличались от них, как горящие угли от вялого свечения гнилушек.

И вот сейчас я снова видел две такие искры, приближавшиеся с разных сторон к лагерю Похитителей людей. Две пчелки, летящие к нашему улью, сколоченному из ржавых решеток и кусков дюрала на руинах какого-то склада посреди пустыни. Чутье подсказывало мне, что их прибытие учинит здесь большой переполох. «Поворот в судьбе» для многих, и не факт, что к лучшему. А самое тревожное, что мерцающее свечение одной из точек я, кажется, узнавал. Если я не ошибался, в гости должен был пожаловать настоящий шершень. Шершень по имени Рохо.

— Макс, соберитесь, пожалуйста, прошу вас! — Даже не на шутку раздражаясь, профессор Геллерт продолжал улыбаться фирменной улыбкой и изящным жестом поправлял очки в переливчатой оправе. Никаких операций на хрусталике, никаких вживленных оптических сенсоров. Только старомодные полимерные линзы — предмет такой же неизменный с допотопных времен, как карты или вилка. Знак касты ученых, к которой принадлежал Геллерт, вроде погон и шевронов воинского сословия. Когда вы видите врача или лектора в очках, сразу доверия к нему становится больше — настоящий рефлекс, выработанный за те столетия, когда люди портили зрение чтением умных книг, а не просмотром запрещенных шоу, транслируемых с нелегальных баз, дрейфующих в космосе.

— Сегодня вы совсем не стараетесь, Макс...

— Что-то не получается, профессор... — Я снова тупо уставился на экспериментальную тележку с микродвижкой на пси-управляемой плате. Тележка выглядела изящной игрушкой и могла уместиться на ладони — прозрачная, почти невесомая, похожая на большое насекомое вроде палочника. Я должен был заставить ее сдвинуться усилием мысли и усердно сверлил взглядом. Она в ответ бодро поблескивала своим хрупким тельцем, но катиться отказывалась.

— Хорошо, передохните немного. Возможно, препарат еще не подействовал. Переключитесь

на что-нибудь другое, подумайте о приятном... — Последние слова Геллерт бормотал уже скороговоркой, сосредоточившись на мониторе с извиляющимися кривыми моей мозговой активности.

Я действительно почти ничего не чувствовал, хотя с момента инъекции прошло уже больше часа. Легкое головокружение, призрачный зуд внутри черепа, вот, пожалуй, и все. Бывало и хуже, что уж говорить. На нас пробовали разные дозировки и составы: от некоторых голова готова была взорваться, от других тянуло в тяжелый мутный сон. Один раз мне удалось сдвинуть тележку на целых три миллиметра, но потом я сутки провалялся без сознания. Но чаще я не чувствовал ничего, а глупая машинка стояла не шелохнувшись и беззвучно издавалась над моими потугами. Наверное, сегодня мне опять выпал провальный образец или плацебо, которым нас иногда пичкали для чистоты эксперимента.

Прикрыв глаза, я действительно собрался подумать о чем-нибудь приятном — о выходных на побережье, куда нас отвезут всей группой, или о докторе Эванс в ее белоснежном коротком халатике, но тут почувствовал, как что-то изменилось. Веки были опущены, но темнота не пришла — ее, как звездное небо, пронизывали сотни каких-то светящихся точек. Побочный эффект? Галлюцинации?

Я открыл глаза, сфокусировал взгляд на оправе Геллерта, пару раз моргнул, встряхнул головой и прикрыл глаза снова. Огоньки двигались, смазывались или становились ярче, но не исчезали. И это

был не плоский калейдоскоп, как от психоделиков, — освещаемая огнями тьма имела глубину и протяженность. Я мог примерно оценить расстояние до каждой точки, словно осматривался с закрытыми глазами, а взгляд не упирался в стены лаборатории. Он их вообще не замечал, устремляясь дальше, — на десятки километров вокруг, намного дальше, чем я мог бы увидеть глазами. Больше того, я мог направить свое новое зрение и вниз — сквозь пол и землю, куда-то в бездонный мрак под ногами. Меня затошнило, я судорожно вцепился в стол.

— Как вы себя чувствуете, Макс? — Надо мной наклонялся встревоженный Геллерт. — Я фиксирую незначительное повышение внутричерепного давления, легкие спазматические эффекты... Пожалуй, на сегодня достаточно. Вам лучше отдохнуть...

Через пару часов мне стало лучше, странные видения чуть притупились, и я решил, что препарат перестал действовать. На расспросы Геллерта я пробубнил что-то невнятное, а на остаточные эффекты постарался не обращать внимания. Однако полностью новой способности я не утратил — со временем она опять усилилась. Еще позже я был вынужден признаться себе, что это не галлюцинации и не фокусы измотанной нервной системы.

Никакой случайности в видениях не было: огоньки перемещались, однако не исчезали полностью и не появлялись ниоткуда. Где-то их было больше, где-то меньше, но большие ско-